

МЕДВЕДИХА МУСЯ

Иван Савельевич и Мария Степановна были стопроцентно деревенскими жителями. И родились они в Сватове, и жизнь прожили тут, никуда не отлучаясь, и фамилия у них была Сватовы – а тут чуть не половина деревни такую фамилию носит. Бывает такое. А вот откуда у деревни такое название – непонятно: то ли посватали кого-то из неё когда-то, то ли она была когда-то не Сватово, а Святово, Святое озеро, которое и на карте есть, совсем недалеко от деревни, если по прямой, через лес. Насчет названий, то и про некоторые большие-то города ничего не известно – ученые решить не могут по поводу их происхождения, ругаются.

Было и Ивану Савельевичу и Марии Степановне уже далеко за семьдесят, и кто из них в этом, преклонном по деревенским меркам, возрасте старше, уже не выясняется. Хотя правды ради надо отметить, что была Мария Степановна постарше своего Ивана Степановича на пару годков, и жили они вместе уже почти тридцать лет. Общих детей они не нажили, а их первые сыновья от первых их семей (были у них та-

кие) разлетелись по стране, офицерами стали и не появлялись в родной деревне никогда – телефонный звонок раз в месяц батьке или мамке, и всё! Правда, небольшую денежку на поддержание ежемесячно присылали.

Жили по старинке, натуральным хозяйством: картошка, лук, свекла, морковь, чеснок свои, да и лес в этих краях всегда накормит. В наших северных районах лес – кормилец: грибов белых засушат, груздей, рыжиков насолят, брусники намочат, клюквы заморозят, малины наварят. Охотники два-три раза за зиму заедут, по привычке у стариков останутся, на полу переночуют, колбаски, тушёнки оставят в благодарность, а то так и лосятинкой или кабанятинкой свежей одарят при удаче охотничьей. А потом, и пенсия у всех местных была неплохая по меркам деревенским: совхоз-миллионер когда-то при советской власти здесь был, зарплаты человеческие платил.

В деревне избу содержать одному трудно: всегда есть в доме проблемы и заботы мужские и женские, и часто так сходятся уже взрослые люди, образуя пары и не для создания новой семьи, а для жизненного удобства, по необходимости. Иван Савельевич мужик рукастый был, в совхозе механиком служил, и Мария Ивановна женщиной хозяйственной была, до самой пенсии фельдшерил, когда-то курсы заканчивала. И знали они друг друга с детства, и симпатии даже, может, любовные у них когда-то были. Хорошая из них получилась пара, в деревне только доброе о них говаривали.

Скотину они уже не держали – силы не те, да и нужды не было, только с десяток кур бегали по огороду. А крытый скотный двор был теперь завален разным хламом: пустыми коробками, старыми вёдрами, даже два тележных колеса как-то там оказались.

Иван Савельевич нежно звал свою хозяйку Мусей, а та его по-простому Ваней.

Так вот, у Муси были свои деревенские секреты.

Ваня-то простой был, словно как городской: поймает сома на пуд и всем рассказывает, что за излучиной реки есть яма, так вот в той яме в этом году сомы завелись; наедут со всей округи за тридцать верст, со всей реки рыбаки на ту яму и ловят сомов. А нормальный деревенский житель не такой – идет он навстречу с полной корзиной лисичек, спросишь у него: «Где лисички брал?» – он тебе махнет в другую сторону и скажет: «Вон там, в оврагах, их море!» Пойдешь – а там, в оврагах, только сучки да мухоморы! Вечером встретишь его на улице – он спросит: «Ну, как – набрал лисичек?» Обзовешь его! А он тебе посочувствует: «Вот и мне посоветовали туда, в овраги идти, а я не послушал!»

Так вот, у Муси были свои деревенские секреты: знала она лучше всех, когда и где клюкву и бруснику брать, когда рыжики пойдут, а когда слой белых будет, и места у неё свои были. Пойдут бабы по клюкву: все по банке трехлитровой наберут, а Муся ведро. То же дело и с брусничкой. Как-то незаметно-незаметно от баб-то всех Муся оторвётся, и нет её. А через два часа возвращается к своим – у неё уже ведро. А чаще, ещё по молодости, вообще она одна ходила, и мест её никто не знал.

И ведь ничего и никогда Муся не боялась, ни разу за всю жизнь не заблудилась, а места у нас в Поветлужье заповедные: тайга до самого полярного круга. И зверя никакого Муся не боялась, а у нас в Поветлужье одних медведей несколько сотен штук по учету официально. Юрка, наш егерь, только на своем участке насчитал в том году одиннадцать берлог. А Мусе хоть бы что: сидит с бабами на скамеечке около

избы и говорит: «Ни разу не боялась, а сталкивалась и с рысью, и с медведями, и с кабанами, один раз даже на росомаху наткнулась здоровенную, больше кобеля дворового, – и ничего. Боюсь я только встретиться с медведихой, которая с медвежатами».

Так вот ведь – напророчила. Пошла она как-то, уже в конце августа, за рыжиками в сосошник молодой, там сосны-пятилетки росли, молодые ещё, на том же поле, которое ещё при совхозе льном засевали. В траве эти рыжики, как золотые кружочки, лежат, а кое-где и кустики брусники висят. Резала Муся эти золотые кружочки, резала и не заметила, как почти наткнулась на здоровенную медведицу, которая своего медвежонка выгуливала. Уселась со страху Муся в траву, и медведица уселась – лапой подправляет своего медвежонка, чтобы тот бруснику ел. Муся встала было, и медведица встала на задние лапы – Муся снова со страху села. Потом медведица с медвежонком ушла, а Муся встать не может – ноги отнялись. Так и сидела часа два, потом на четвереньках поползла к дому, а потом уже только встала и побежала. А знаете, как бегают старухи, которым за семьдесят, – вперевалочку.

Рассказала дома Муся всю свою историю Ване – тот только дурой её обозвал.

– А что ты дурой-то меня обзываешь? А что я делать-то должна была?

– Не знаю, – отвечал ей Ваня, – наверное, дома сидеть.

– Вот и я не знаю. А только знаешь, пока мы с этой медведихой смотрели друг на дружку целый час, показалась она мне очень разумной, ну прямо как ты. Она смотрела на меня как человек, как женщина уставшая, как мамаша. Я даже в какой-то момент её с собой сравнивала и думала, что она – это я! Ваня, а вот почему я родилась не медведихой, а ты не медведем?

– Не знаю! Только медведи до семидесяти лет не живут, а вот мы с тобой дожили, и уже больше, и неплохо мы с тобой жизнь прожили. В общем, медведем я не хочу.

– А я хочу.

Муся умерла уже под осень. Легко умерла. Ваня утром растапливал русскую печку, когда услышал, как она его позвала

– Ваня, открой форточку или окно – что-то душно.

Ваня открыл форточку, пахло морозцем. Он подошел к постели: Муся захрапела, закрыла глаза, Ваня попытался взять её на руки, позвал её:

– Муся!

Муся молчала, у неё вывалился язык.

Хоронили просто, по-деревенски. Оба сына приехали: и Мусин, и Ивана Савельевича; они, сыновья, тоже знали друг друга с детства – два подполковника, здоровые, красивые, пятидесятилетние мужики. Они приехали на двух служебных «уазиках» с воинскими номерами, каждый сам за рулем – кто-то в области им посодействовал. Гроб привезли из района, из соседнего села Богоявления, что за три километра от Сватова, пришел батюшка, отец Феофилакт, – службу провел, отпел усопшую прямо в избе и на могиле, на деревенском кладбище, отслужил. Посидели за столом, стол собрали подруги Мусины, выпили самогонки, помянули. Сыновья оставили Ивану Савельевичу денег, съездили в район, подписали какие-то бумаги и уехали через три дня.

И девятый день отметили, Иван Савельевич подсутился, женщины деревенские помогли. И сороковины отметили. Отец Феофилакт при-

ходил оба раза и оба раза служил, и за столом вместе со всеми сидел, и самогонку пил вместе со всеми. После застолья сорокового дня Иван Савельевич раздал всем присутствующим, как положено, расписные хохломские ложки, которых у Муси была какая-то прорва (нравились они ей), и попросил женщин прийти на следующий день, чтобы разобрататься с носильными вещами Муси: что-то раздать, а что выкинуть.

И началась у Ивана Савельевича жизнь непонятная: он раньше-то прекрасно всё знал – что надо сейчас сделать, а что потом, и не надо было его подгонять. Просто раньше, пока хозяйкой была его Муся, он ждал этого напоминания, толчка, и только поле этого принимался за работу. А теперь он не был уверен в принятии самых простых решений: что надо сделать и в какой последовательности, что срочно, а что подождёт. Пропал куда-то стержень уверенности, на котором строится смысл жизни мужской. Хорошо, что картошку выкопал в августе, ещё при Мусе – она велела. А вот свеклу и морковь забыл за горем и тоской, которая наваливалась на него теперь часто и внезапно. Понимал он совершенно отчетливо и рассудочно, что глупеет попросту: вот три дня подряд думал, а нужна ли ему теперь будет морковь и свекла, которые он пока что не выкопал, и не очень уверен был довольно долго, что будет их копать. Три дня думал, прежде чем выкопал. Выложил рядами на солнце, прохладное октябрьское солнце не грело, но просушить корни морковные и свекольные надо – а оно могло.

Наутро, затопив печь, Иван Савельевич через двор вышел на участок, где располагался огород, и с удивлением обнаружил, что ночью его усадьбу кое-кто навестил. И главное, навестил его медведь, крупный медведь, что было видно по отпечаткам лап, а в особенности глубоких борозд от огромных когтей, которые косолапый оставил на сырой земле. Эти борозды и впечатляли, и ужасали: медведь выходит к людям, в деревню, только если он болен или если он задумал что-то нехорошее. Это нехорошее медведь уже сделал: сожрал ровно половину разложенной для просушки моркови.

Первой мыслью Ивана Савельевича, и это было естественно и правильно, сообщить егерю Юрке, который в соседнем селе жил, о том, что медведь посетил деревню и сожрал приличный запас моркови. И тут что-то тормознуло Ивана Савельевича. Он, спустя некоторое время, даже не смог себе объяснить, что же его тогда остановило – просто тормознуло. Себе он рационально объяснил, оправдываясь, что не хотелось видеть у себя в доме егеря Юрку, который будет просить налить самогонки, а потом, может, ещё и стрелять в медведя будет, если тот зайвится к нему на огород снова. Но на самом деле – и в этом Иван Савельевич себе не мог просто признаться: вспомнил он, как его Муся проговаривала, что хочет стать медведем. Или, точнее, медведихой – она так говорила.

На следующий день история повторилась: медведь сожрал на этот раз половину разложенной для просушки свеклы. Причем сожрал он именно половину, с математической точностью, хоть линейку приложи – так ровно эта половина была отмерена. Было раннее осеннее утро, пасмурно, Иван Савельевич стоял над остатками своей свеклы в раздумьях. И что-то кольнуло его: он поднял голову, и смутно почудилось ему – за сломанной изгородью участка, за луговиной, которую он когда-то ежегодно косил, заготавливая своей скотине сено на зиму, а теперь за ненужностью позволяет косить соседу; там он сквозь пред-рассветные сумерки разглядел стоящего вполборота от себя большого

медведя. За сто, а может и больше, чем за сто метров, стоял медведь и смотрел на Ивана Савельевича; тут он мог поклясться, что они с этим медведем встретились взглядами и не отрываясь смотрели друг на друга. И снова Ивана Савельевича что-то кольнуло, на этот раз его кольнула мысль, что этот медведь – та самая медведиха, о которой проговорила когда-то его Муся.

К отцу Феофилакту в Богоявление Иван Савельевич собрался быстро, а больше и не у кого было просить совета, если задуматься, – а посоветоваться хотелось. Бутылку самогонки, настоящей на малине, собираясь в гости, извлек он из Мусиных запасов. Сам он самогонку не гнал и не пивал, но Муся любила настаивать на разных ягодах и травах исключительные напитки и при случае угощать, кого надо, а потому у неё были свои поставщики этого деревенского варева. Оделся потеплее – зима вот-вот должна была объявиться по всем приметам. Ну, и что важно, повезло: отец Феофилакт был дома с женой, с детьми и в цивильной домашней одежде.

Батюшка сразу определил, что у его раннего посетителя что-то не складывается в жизни, да и по рассказам деревенских прихожан он уже знал о непростом душевном состоянии Ивана Савельевича. Уселся на кухне. Матушка загнала детей, а их у отца Феофилакта было трое, в дальнюю комнату, а сама отправилась куда-то якобы по делам. Разговор долго не клеился, виляя вокруг да около, несмотря на то что вино было пригублено. В конце концов, отец Феофилакт напрямую спросил:

– Давай, сын мой Иван, а проще – Иван Савельевич, не крути, говори, спрашивай, а то напьемся мы, а дело не сделаем. Бутылку-то и я ведь смогу выставить.

– Ты ответь мне, батюшка, – вот и нас, у православных, есть вечная жизнь загробная, и у индусов, или у буддистов тоже есть вечная жизнь, но в виде реинкарнации. То есть у них души людей переселяются в животных, или в деревья, или ещё в кого-то там. Так я говорю? Правильно излагаю?

– Правильно, только ведь всё зависит от прижизненной веры твоей и от силы веры твоей. Вот ты православный, и православие сильно общиной своей, и жизнь вечная тебе дана будет по тому, как ты жизнь свою прожил. Смотри: твоя Муся умерла, и все вместе мы похоронили её, и помянули все вместе, и на девятый день все вместе были, и на сороковой – мы, православные, сильны общиной, тем, что мы вместе. А вот у католиков во главе угла человек, личность человеческая, там сосед, друг, брат – на втором месте. А вот мусульманин попадает в рай, если он за свою веру в бою погибнет. А реинкарнация в буддизме происходит всегда. А что тебя это так взволновало?

– А могла моя Муся, точнее душа её, переселиться в медведя?

– Нет, конечно, – она же буддизм при жизни не исповедовала. Сорок дней прошло, и твоя Муся в раю. Успокойся, и давай теперь спокойно выпьем, точнее – помянем её, не чокаясь.

Когда назад возвращался Иван Савельевич, сильный снег пошел, и похолодало, а снег так прямо не простыми хлопьями сыпал, а вьюгой настоящей заметал, такой, что и дорогу-то не видно местами было. Не успокоил Ивана Савельевича разговор с батюшкой Феофилактом, а ещё больше разнуртил. Да и надо было сначала свёклу с морковью в подпол занести, а потом уже по гостям ходить и вино пить. Домой пришел затемно. В избе холодно было, нетоплено – пришлось печку затеплить. Но и, пока слушал он огонь, в печке гудящий, и к языкам пламени при-

смастривался, не проходила тревога. Снова вышел через двор на участок свой: на огороде стояла медведица и смотрела на Ивана Савельевича – теперь-то он знал, что это медведица, та самая медведиха. Послышалось, что ли, ему: не рывкнула медведиха, не завыла, а тихо-тихо пробормотала: «Ваня!»

– Подожди, – ответил вполголоса.

Он зашел в избу, надел ватник, валенки, шапку и пошел в огород. Медведихи не было. Иван Савельевич перелез через поваленную огорода и пошел по её следам, иногда ему казалось, что большой силуэт медведихи мелькает впереди, и он воодушевлялся. Иногда мелькала мысль: а куда он идет и зачем?! Но он эту мысль сразу же отбрасывал, потому что казалось, что такие сомнения и раздумья могут поломать что-то, открывшееся ему только сейчас, и это открывшееся только ему и предназначается, а все сомнения могут уничтожить начисто новую истину.

Снег всё валил и валил. В лесу он уже с трудом разбирал следы и просто шел в надежде, что медведиха-то и ведет его, куда надо. В конце концов, он устал перелезать через поваленные деревья и проваливаться в какие-то ухабы. У большой ямы, образовавшейся под комлем лежащей сосны, он остановился. «Раз я тут остановился, то, значит, и должен тут остановиться», – решил про себя, забираясь в яму. Неожиданно пришла мысль, что эта нора – старая берлога какого-то медведя, а может, и моей медведихи, раз она меня сюда привела. Очень спокойно и сладко он быстро уснул.

Нашли Ивана Савельевича случайно грибники уже на следующий год летом в пяти километрах от Сватова. Лисы и россомахи изрядно погрызли труп, но по одежде и по времени гибели – всё говорило о «потеряшке» Иване Савельевиче. Похоронили его по православному обряду, и отец Феофилакт в своей молитве за упокой упомянул о скорбящей душе Ивана Савельевича, нашедшей своё место на том свете.

ГАЗОВЫЙ БАЛЛОНЧИК

(Из цикла «Жмуркин и Криворотов»)

Это удивительно, как быстро забываются самые что ни на есть удобные и необходимые удобства, которыми мы годами незаметно пользовались. Чернильницу и перочистку, конечно, многие вспомнят хотя бы потому, что они служили людям не одно столетие и в классических литературных произведениях они уже увековечены, а вот плейер, газовый баллончик или пейджер – я вот уже и не помню, какой он был из себя, этот пейджер. А «скарабей» – приспособление для снятия галош? А «Голос Америки», который мы слушали по ночам? Но я вернусь к газовому баллончику.

Что первое пропало с наступлением девяностых, так это чувство безопасности: вспоминаются и стволы автоматов, торчащие из раскрытых окошек «жигулей», и популярная в те годы песня «Братва, не стреляйте друг в друга», и в ежедневных сводках сообщения о перестрелках и новых разборках на улицах больших городов с печальными результатами. Пацаны в кожанках, костюмах «Аидас», не снимая ондатровых шапок, сидели во всех ресторанах города. Позабылось! А ещё массово стали появляться решетки на окнах, стальные двери, электрошокеры, которыми непонятно как надо было пользоваться, газовые пистолеты и баллончики, которые дамы любили носить в своих сумочках.

Миша Жмуркин и Илья Криворотов в тот год заканчивали свои институты и вступали в новую жизнь: точнее, Криворотов уже закончил свое образование на филфаке и учился работать на телевидении в качестве стажера-репортера, а Жмуркин, успешно освоив курс привилегированного физтеха, ещё только готовился к защите диплома. Они были друзьями со школы, настоящими друзьями, и настоящая дружба, в которую многие не верят, находила в этой паре верный пример.

Только мифические случаи дружбы обходятся без общих интересов и основываются на какой-то метафизике; у моих друзей очень рано определился такой объединяющий интерес: они любили выпить. Нет, я говорю не про алкоголизм и не про бытовое пьянство – было что-то интеллигентно-аристократическое в их увлечении: они заранее договаривались о встрече в каком-нибудь кафе, заказывали бутылочку вина, столичные салатки, этикие домики из картофельного пюре, покрытые листиками куриного филе и политого майонезом, и проводили так целый вечер за различными посторонними и ничего не значащими разговорами. Одной бутылочкой дело, конечно, не обходилось – бралась и вторая, и третья.

В тот воскресный вечер они отдыхали в «Нижегородском кафе». Заведение это располагалось в центре города и славилось не только кухней, но и если не избанным, то уж точно особым обществом, которое

собиралось здесь по вечерам. И буфетчица Циля Львовна, и официанты Гоша и Ганна хорошо знали Криворотова и Жмуркина, обслуживали их трепетно. В тот вечер друзья дегустировали мадеру, двухгодичную мадеру. Жмуркин был недоволен.

– Ну что ты морщишься, Миша? Ну какая тебе разница: двухгодичная мадера или трёхгодичная?

– Огромная, Илья! Двухгодичная мадера имеет привкус жженой пробки, а у трехгодичной, настоящей, совершенно особый букет. Это же важно в самом начале процесса. Вот в прошлом году был я в Крыму с нашей какой-то студенческой бригадой, и пили мы постоянно там их «Портвейн крымский». У них там, в Крыму, наверное, сто винзаводов, и все они кроме каких-то своих прекрасных марочных вин гонят этот «Портвейн крымский», и у всех у них привкус ёлки. То есть не ёлкой, конечно, они, все эти портвейны, пахли, а хвоей какой-то – наверное, ихней крымской туей. Как на нашем винзаводе «фруктовку» гнали из гнилых яблок, добавляя туда какую-то спиртовую эссенцию, так и они гонят этот свой «крымский портвейн» на всех своих заводах из гнилого винограда, добавляя туда какой-то экстракт с хвойным запахом. Вот и получается, что кайф нормальный и приход, а только после, на трезвую – похмелья нет, а во рту привкус ёлки ихней этой, туи в смысле, целый день.

– Значит, ты в этом деле теперь специалист.

– Так мне и про мадеру двух- и трехгодичную всё так правильно в Крыму растолковали.

После второй бутылки мадеры, когда и салаттики-то были уже на исходе, а друзья задумывались уже о третьей, но ещё не определились, у Ильи возникло желание:

– Миша, пойду-ка я прогуляюсь до «шурика» – мне надо отлить.

– Пойдём вместе, я тебя провожу. Ты не обратил внимания, что сегодня женский туалет закрыт на ремонт, и в мужской надо ходить по очереди, предохраняя вход от желающих дам. И что за дуры – туда вату свою бросают, а потом жалуются, что засорилось. Пошли – я тебя постерегу.

В вестибюле в тот момент толпилось несколько человек: кто-то одевался, кто-то раздевался, дверь в дамский туалет была закрыта придвинутым вплотную креслом.

Со словами «Дежурь и никого не пускай» Криворотов зашел в нужную дверь.

Когда он уже закончил свою ответственную процедуру и осматривал себя в зеркало, дверь довольно шумно и уверенно распахнулась: ввалился крупный и весёлый мужчина на полголовы выше Ильи и довольно солидного веса. Плохо ориентируясь в происходящем, но будучи в приподнятом и активном состоянии, Криворотов не задумываясь вытащил из кармана баллончик со слезоточивым газом, которые уже вошли тогда в моду, направил на вошедшего и заорал так, что было слышно всем в вестибюле:

– Я же сказал, чтобы никого ко мне не впускали!

Мужчина очень уверенно вывернул Илье руку, как-то моментально отобрал у него баллончик, который так и не поучаствовал в конфликте, и так же громко, как и Илья, крикнул в открытую дверь:

– Генка, тут хулиган какой-то! Забери его к себе, пока я поессу.

При этом он просто вытолкнул Илью в вестибюль. Держась уже не очень уверенно на ногах, Илья попал чуть ли не в объятия к небольшому пареньку в кожанке и в кепке, лицо того украшал ещё и багровый шрам – рожа совершенно бандитская, какими их показывают в кино.

– Дружок, иди за наш стол, посиди, подожди, мы сейчас подойдём, – и этот, со шрамом, ткнул пальцем в глубину зала.

Илья растерялся, он, покачиваясь, пошел в конец зала к указанному столику, Жмуркин, почему-то улыбаясь, посматривал на него, сидя за своим столиком, а официантка Ганна успела, вытаращив глаза и кося в сторону, шепнуть:

– Это автозаводские бандиты, банда Генки Балбеса. Ой-ой-ой!

К столику, за которым уже сидели трое в кожанках и шапках, да два стула были пусты, подошли почти враз и Илья, и те двое из вестибюля – здоровый и второй с бандитской рожей. Двое уселись, а Илья, как провинившийся мальчишка, остался стоять.

– Ганка-официантка нам сказала, что ты журналист – так, что ли? – спросил тот, что со шрамом и которого, должно быть, и звали Генкой Балбесом.

– Журналист я, – ответил Илья.

– И что же ты хулиганишь? К солидным людям в туалетах пристаешь? Чего тебе надо было от Коли?

– Да я и не приставал.

– Не темни! Да ещё с такой дурой ходишь, – он вытащил из кармана баллончик Илья. – В твоём возрасте и положении надо уже вот с такой ходить.

Генка распахнул кожанку, за поясом торчала рукоятка пистолета Макарова.

– Не видел такого?

– Видел он, видел такой, – ответил за Илью Жмуркин.

Он подошел как-то незаметно и тихо – никто на него даже не обратил внимания.

– Мы вот с такими теперь ходим, – и Михаил вытащил из внутреннего кармана своего пиджака здоровенный пистолет.

– Это что такое? – спросил Генка.

– Это итальянская «беретта», американский армейский револьвер, – ответил спокойно Жмуркин.

– А ты кто такой?

– Я? Я простой студент.

– Ну так вот, студент, мы тут сегодня просто отдыхаем, и настроение нам не надо портить. Просто скажите Ганне, что вы хотите пару бутылок коньяку нам проставить.

– Хорошо. Ганна, – обратился Михаил к официантке, которая невдалеке прислушивалась к разговору, опасаясь конфликта, – принеси ребятам пару бутылочек коньячку за мой счет. Я подожду. Мы подождём.

Жмуркин с Криворотовым остались молча стоять, а пятеро бойцов, сидевших за столиком, так же молчали, недоуменно переводя взгляды то друг на друга, то на стоявших друзей. Вскоре две бутылки оказались на столе.

– Ну, вот и ладушки, отдыхайте. А вы нам за наш столик пришлите по-братски бутылку «мадеры» – мы коньяк сегодня не пьём, – и друзья, развернувшись, пошли к себе.

– Откуда у тебя такая штукавина? – спросил Криворотов у Жмуркина, когда они сели за свой столик.

– Да, это – «сталкер», американский газовый пистолет, сделанный в форме итальянской «беретты», которая стоит в США на вооружении, – разрешение мне дядька сделал. Давай быстро расплатимся, и надо уходить. Чувствую я, что тут сегодня ещё и продолжение будет, – не хочется мне в этом продолжении принимать участие. И запомни: оружием,

любим оружием пугать не надо, нельзя – его можно только применять. Не важно, атомная бомба это или рогатка, ножик перочинный или газовый баллончик. И хулиганы, и бандиты, и военные это знают.

– Но вы же сейчас с этим самым Генкой?

– А мы не угрожали друг другу – мы просто похвастались.

Продолжение у истории было. Еще с вечера официантка Ганна, которая жила в одном доме со Жмуркиным и знала того с детства, позвонила и сообщила, что пьяный Николай, что повздорил в туалете с Криворотовым, использовал всё же в тот вечер газовый баллончик: там же, в туалете, прыснул он в лицо шестилетнему мальчику, который туда зашел туда вместе с мамой пописать, и выжег ему глаз. Вызывали милицию, скорую помощь, отвезли мальчика в больницу, но потом успокоили – зрение не пострадало и полностью восстановится. А под конец Генка Балбес, бригадир этой банды, выяснил у Ганны адрес Криворотова и Жмуркина.

Криворотов зашел домой к Жмуркину часов в восемь утра, перед работой. Пили кофе, обсуждали на трезвую голову вчерашнее происшествие, когда раздался звонок в дверь – на площадке стоял вчерашний здоровяк, выкинувший Илью из туалета.

– Поговорить надо, перетереть кое-что, – пройдя в прихожую и не здороваясь, начал он, – вчера там неприятность произошла.

– Знаю я уже про все твои неприятности. И то, что ты ребёнка чуть не изувечил, и что менты вас прихватили, и про то, что вы с Генкой любите со всех понемногу соскоблить. Чего ты хочешь?

– Дело у ментов заведено, проблемы будут у всех: и у тебя, и у этого, – гость кивнул на Криворотова, – у Генки свои прихваты есть везде, и у ментов тоже. Надо только забашлять. С вас две штуки баксов, и всё в ажуре будет. Так как?

– Тебя как зовут, Коля? Так вот, Коля, ночью дядька мой из Москвы приехал, мамин брат. Давай я его сейчас разбужу?

Жмуркин открыл дверку одёжного шкафа, стоявшего в прихожей: на вешалке висела генеральская шинель с погонами генерал-лейтенанта КГБ. Жмуркин шутя снял с полки генеральскую папаху с советской кокардой и напялил её на себя.

– Ну так что – будить мне дядьку? У него и к тебе, наверное, тоже вопросы появятся.

– Ладно, не надо, замаяли, – почесал голову незваный гость и вышел, не прощаясь, на лестничную площадку.

– Чего-то я ничего не понимаю! Какой дядька? Откуда у тебя шинель такая? – спросил Криворотов у Михаила.

– Да купил её по случаю на барахолке, чудак какой-то продавал. Сейчас же новую форму ввели, но старикам разрешили из уважения к прошлым советским заслугам в старой ходить. Кто-то скурвился, а кого-то воспоминания греют. У меня товарищ есть в Москве, Володя Чуйко, так у него дядька был генералом милиции. Однажды тот оставил свою шинель у Володьки дома, а сам уехал на такси без шинели. Шинель так и осталась висеть у них, а жулики однажды вскрыли дверь и залезли к ним, хотели ограбить, но, увидев ментовскую генеральскую шинель, передумали. Он теперь постоянно на видном месте держит эту шинель. Вот и я подумал, что такая красавица шинель и мне, может, когда пригодится – взял да купил.

РИСУНОЧЕК ПИКАССО

(Из цикла «Жмуркин и Криворотов»)

Когда люди дружат не год, не два, а хотя бы с десяток лет, то кажется, что всё они друг про друга уже знают и ничего интересного и полезного дать друг другу не могут, кроме доброго совета. И это плохо – дружба превращается в рутину. Куда заманчивее режим, в котором сохраняются какие-то небольшие детали и секреты, которые открываются всю жизнь; возможно, надо реже общаться или вести более активный образ жизни, приобретая новые навыки и коллекционируя события. Хотя всё это спорно.

Илья Криворотов и Миша Жмуркин над этим не задумывались, просто они умели удивлять и радовать друг друга при встречах, делясь впечатлениями от совершенно безумных командировок, в которых удается побывать иногда настоящим репортерам. Да и без командировок, если быть просто любопытным и наблюдательным, жизнь преподносит очень много интересного.

Потому, безусловно, для друзей и пара бутылок пива и бутылка вина, которые они позволяли себе при встречах, не были самоцелью: они были скорее поводом для радостного общения. Когда-то, в детстве, в школьные годы, они учились в одном классе и жили в одном дворе, в соседних домах, а вот теперь, после многих лет, судьба их вновь разместила под одной крышей телецентра, хотя и служили они в разных ведомствах: Илья на телевидении, а Михаил на радио.

Жмуркин сидел у себя в кабинете один после эфира, в который раз прорабатывая сюжет следующей передачи, когда к нему заглянул чуть растрепанный Криворотов с двумя бутылками вина.

– Привет, старик, – невнятно пробурчал Илья, – вот, были мы тут на полузакрытом мероприятии, снимали репортаж, и презентовало мне руководство местное на память две бутылочки прекрасного полусладкого вина фирмы «Шене». Давай употребим. Мой оператор куда-то торопился и уехал на нашей машине, а я решил тебя порадовать. Ты же любишь «Шене»?

– Конечно! Надо быть дураком, чтобы не любить «Шене». Они ведь там не только эту бутылку с кривым горлышком придумали, но и качество пока что держат.

– Тогда доставай стаканы.

Скинув куртку и выставив на журнальный столик бутылки, Илья аккуратно уложил свое большое тело в низкое обширное кресло для гостей. Беседа сразу заладилась, хотя приобрела необычный оборот.

– Знаешь, старик, о чём я сегодня задумался? – начал Жмуркин, разлив по стаканам неожиданную жидкость. – Часто я начинаю сожалеть о некоторых делах, которые сотворил в молодости и которые уже не исправить.

– Ты о чём?

– А о том, что ничего плохого я вроде бы и не сделал, а может, сделал даже что-то хорошее, а получилось нерационально.

– В смысле?

– А в том смысле, что начал я сожалеть о некоторых небольших подарках, которые я когда-то делал, не задумываясь, разным государственным структурам, а теперь жалею. Вот подарил я когда-то нашему литературному музею Максима Горького два письма Шолохова – не было у них в музее ни одного автографа Шолохова! Позвонил я им – они обрадовались. Подарил – они поблагодарили, спасибо сказали, а потом, через полгода, директриса счастливая такая мне позвонила и доложила, что ездила она на какой-то юбилей Шолохова в станицу Вёшенскую и подарила мои письма местному музею Шолохова. А те письма любопытные были, мне их отказала одна моя знакомая старушка, у которой папа был врачом, не простым врачом – в Кремлёвке служил. Спас он когда-то сына Михаила Александровича, когда ещё работал в какой-то провинциальной клинике то ли в Ростове, то ли в Краснодаре. Сын у Шолохова был лёгчиком, и вот он разбился где-то там на юге. В смысле разбился-то самолёт при испытаниях, а сын Шолохова только весь переломался, ну весь, но выжил, и Михаил Александрович в письмах умоляет буквально этого доктора спасти сына, обещает золотые горы, вплоть до упоминания, что он может и в Кремле что-то для того доктора сделать нужное и важное, если потребуется. Вот такие письма были, а я их профукал – точнее, я их в наш музей дарил безвозмездно, а они оказались в станице Вёшенской, в которой я и не бывал ни разу.

– Да, некрасивая история!

– Да письма – хрен с ними, не жалко. А вот рисунок Пикассо у меня был, так его жалко вдруг почему-то теперь стало.

– А откуда у тебя рисунок Пикассо? Что ты мне его не показывал?

– Да ты его сто раз видел. У меня в спальне напротив кровати висели в рамочках деревянных небольшие два рисунка – Пикассо и Модильяни. У Пикассо там – башка быка и фигура матадора, а у Модильяни – две обнаженных женских фигуры.

– Не помню, ни разу не видел.

– Какой-то ты невнимательный. Мой дед после войны был в звании комиссара НКВД. Когда война закончилась, то, в принципе, не возбранялось всем нашим солдатам-победителям и офицерам, а генералам тем более, захватить к себе на родину кое-что из трофеев. Солдатики часы карманные или губную гармошку в карман могли сунуть, младшим офицерам полагалось полвагона, старшим – вагон, а генералы да маршалы составами упаковывались: и сервизы, и ковры, и мебельные гарнитуры, и концертные рояли, – и Германия, и Австрия, и Венгрия, и Чехословакия на год были отданы на разграбление. Тысячи вагонов с трофейным барахлом пришли с запада к нам сюда. А через пару лет опомнились и начали соответствующие органы помаленьку отбирать всё трофейное добро у генералов и передавать в дома отдыха да в санатории. Мой дед самолично участвовал в этих обысках и реквизициях, а с ним ходила по пятам, по этим квартирам генеральским, и моя бабуля: с сумкой холщовой и в кацавейке бархатной ходила она следом за моим дедушкой. И в каждой квартире какую-нибудь безделушку, или картинку, или статуэтку прихватит, в сумку свою сунет. Вот так и эти два рисуночка оказались сначала у неё, а потом уже она их мне и подарила.

Так вот, когда Антонова из Пушкинского музея выделила собрание работ из частных коллекций в отдельный музей, уж не знаю, как филиал

он сейчас Пушкинского или это стало отдельной структурой, я позволил ей – благо у меня был повод. К тому же узнал я, что они эту коллекцию работ из частных собраний в скором времени планируют на экспозицию в Италию везти. По обмену по какому-то.

– А что за повод?

– Когда-то, давным-давно, она проводила у себя в Пушкинском музее нашумевшую выставку, про которую только ленивый не слышал, – «Москва – Париж». Я тогда ещё маленький был, двенадцать или тринадцать лет. Мы с мамой в то время в Москве были и вместе с группой товарищей из МВД на открытие этой выставки попали. Ты же знаешь, что мой двоюродный дядька тоже генералом был, – он это и организовал. Антонова тогда всем нам по альбому шикарному, к выставке приуроченному, подарила – прямо у себя в кабинете дарила. А я ещё детской наглости тогда набрался и попросил её на память подписать. Этот альбом и сейчас у меня дома лежит. Я тебе его покажу. Разыскал я телефон Пушкинского, звоню Антоновой, напоминаю ей про альбом, она понимает, что не из простого народа я. Самое главное, Илья, – она меня вспомнила: не всем же она альбом тот подписывала, а мальчишку тринадцатилетнего тем более запомнила. А ещё я ей рассказываю, про эти два моих рисунка. Она заинтересовалась и говорит: «Привозите!»

– И чего – ты так просто повёз?

– Ну конечно. А что?

– А то, что нам этих двух бутылок теперь не хватит, если ты запросто Пикассо и Модильяни раздариваешь.

– Нет, не так просто! Привёз я им туда, в Пушкинский, эти два рисунка свои, собрались эксперты ихние с учеными званиями, поговорили про что-то умное и подтвердили подлинность. А Антонова спрашивает: «Михаил Петрович! А как же мы с вами расплачиваться будем – у музея сейчас денег нет, и когда будут – неизвестно». А я ей говорю, что не надо мне никаких денег, подарю я рисунки вам, только хочу я на открытие этой вашей выставки в Италию попасть в качестве спецкора газеты «Культура», которым я и являюсь, – и корочки свои ей показываю. «Заманчиво, конечно, – говорит она, – да не знаю, получится ли». И ты знаешь, Илья, получилось!

Экспозиция там, в Риме, наверное, две недели готовилась – расставляли, развешивали, каталоги готовили, а мы прилетели как раз в день открытия, и всё я успел: и пофотографировать, и интервью у кого надо взять. Только не за этим я в Италию летел. Хотелось мне побывать в театре «Ла Скала», на какой-нибудь классной настоящей опере и чтобы с хорошими исполнителями. Гостиница плохонькая, в которой нас разместили, – хотя в центре. И вот вечером я разузнал, что на следующий день там у них «Аида», да ещё с Пласидо Доминго. А была запланирована обзорная экскурсия для всей нашей делегации. Только положил я с прибором на эту экскурсию. После обеда направился я в наше российское посольство и говорю, что мне надо встретиться с третьим секретарем. А ты же знаешь, а если нет, то знай, что третьи секретари почти всех российских наших посольств – резиденты разведки. И не скрывает этого никто. Говорю, что мне нужен Абросимов Сергей Николаевич. Там на воротах люди умные, опытные – лишнего не спрашивают.

– А ты что, уже знал, что третьего секретаря зовут Сергей Николаевич?

– Конечно! Я же готовился. И вообще запомни: хорошая память на лица и имена нужна всем жуликам и разведчикам, это их профессиональная необходимость.

– Так мы с тобой не жулики и не разведчики.

– Э-э, нет, брат! Мы с тобой журналисты, а это куда выше, чем какие-то разведчики и жулики, потому что нам с тобой приходится иной раз бывать и в той и в другой шкуре! Запомни. Так вот, встречаюсь я с Сергеем Николаевичем и говорю, что так, мол, и так, приехал я освещать выставку, жаль, что вас на открытии не было, планировал я с вами там познакомиться. А надо мне кровь из носу попасть на сегодняшний спектакль в «Ла Скала». Показываю я ему свои корочки, предписание. Смотрит Сергей Николаевич на меня внимательно так, ничего не говорит, молчит. Потом спрашивает: «А ваши полномочия?» Теперь уже я молчу. А что я отвечу? А он вдруг: «Подождите», – и уходит. Минут через двадцать выходит ко мне молодой человек и выносит пропуск, красивый такой. Говорит: «В шесть часов будьте у посольства, вас отвезут на машине. Это ложа нашего посольства – вы там будете один. После спектакля вас также встретят и отвезут в гостиницу». Так что, Илья, побывал я в «Ла Скала», только пел не Пласидо Доминго, а Марио Бьянко, но это тоже шикарно.

– Так тебя встретили на машине после спектакля?

– Встретили. Только отвезли не в гостиницу, а напрямиком в аэропорт, и портфельчик мой из гостиницы они успели забрать, и курточку мою сунули мне в руки, и посадили на самолет. По пути в аэропорт не разговаривали, так и молчали угрюмо: мол, если ты такой умный, то сам понимаешь, что происходит.

– А как же билеты?

– Не знаю! Провели меня через дипломатический коридор. А в Москве так же встретили и мимо таможи провели на выход. Там меня уже ждала машина, посадили: думал – прямо сразу на Лубянку повезут. Так нет – высадили у ближайшего метро и сказали: «Ждите, Михаил Петрович, с вами свяжутся». Так вот, уже который год жду. Я думаю, что теперь я по-настоящему невыездной. Хотя что толку, если девяносто девять процентов выездных в «Ла Скала» не попадают.

– Да, накуролесил ты. А что же произошло, что тебя в театр проводили, в ложу дипломатическую посадили, а потом выкинули, как нашкодившего щенка?

– А то и произошло, что, пока я сидел в театре, они наверняка позвонили в Москву; там быстренько выяснили, кто я такой и чего можно ожидать от меня, и приказали выслать меня срочно по дипломатическому каналу на Родину. Придумали какой-нибудь форс-мажорный вариант, чтобы без сучка и задоринки проскочило. В принципе я ожидал такого развития.

– А ты хоть трезвый был? А что с рисунком Пикассо? Как его судьба?

– Не знаю. И был я, конечно, трезвый. Какое это имеет значение? Хотя жалко немного – хорошие рисуночки были. Я же с этого и начал.

МАМА В ПОДАРОК

Святочный рассказ

Он недолго раздумывал, где ему удобнее материализоваться: на опушке Марьиной Рощи и потом важно и даже с помпой войти в город через Сахарный Дол, предварительно заманив туда какой-нибудь ерундой журналистов для освещения всей акции, или в центре города, в каком-нибудь небольшом скверике, а может, даже во дворе среди старых домов.

– Что-то в последние годы вся эта моя материализация или превращение стало занимать у меня пусть и небольшое, но время, а раньше моментально получалось. То ли стареть начал, то ли проблемы техногенного характера: всем понятно, что в эфире потрясающее количество всякой дряни теперь носится, а такое видоизменение требует чистоты не только внутренней, нравственной, но и чтобы в окружающем мире соответствующее качество присутствовало. По причине того что сейчас злоба и корысть в воздухе совершенно безнадзорно и безнаказанно гуляют, то как результат – переход из волнового состояния в материальное становится процессом. А любой процесс характеризуется временными параметрами – следовательно, возможности волшебства или совершенно пропадают, или значительно сокращаются; вообще-то время как философская категория для волшебника не существует, точнее, не должно существовать. И как бы кто ни фантазировал и ни заливал фантазии свои через край, но я, Дед Мороз, – просто волшебник, и всё!

Старик, притопывая валенками, бубнил себе под нос всю эту ахи-нею, ни к кому не обращаясь. Уже больше минуты он стоял за старыми гаражами в глухом школьном дворе, по колено в снегу, в центре города и ждал, когда у него образуется нормальная дедморозовская борода, хотя бы до пояса. А то торчит какое-то недоразумение в виде редких рыжих волосиков, которые, правда, на глазах росли, курчавились и седили, образуя серьезные заросли. Но вот – в течение минуты он стал похож на классического персонажа с любой картинки: в красном халате, с красным мешком и с посохом. Не было только Снегурочки!

– Слава тебе господи, что эта девчушка потерялась куда-то сегодня! И откуда она вообще у нас взялась? Говорят, что её Сталин выдумал и узаконил – а зачем? С ней бы я вообще ничего не успел. Раньше за пяток минут успевал несколько миллионов детишек поздравить, превращаясь всюду моментально и ненадолго в стандартных и почти реальных фантомов – знай только перепрыгивал с одного часового пояса на другой. А теперь стали появляться сложности с этими переходами! Хотя и удобства некоторые появились, которыми можно воспользоваться, например интернет. Ведь можно же на девяносто процентов упростить задачу с поздравлениями детей, если переложить её на весь руководящий блок страны.

Причем я имею в виду не только чиновников различного уровня, но и олигархов, которые по определению связаны с руководством страны и которые разбогатели все на инсайдерской информации, а также и всех остальных состоятельных людей. База данных с краткой характеристикой на каждого из них имеется, мы все знаем, где она существует – в ФСБ, а для такого благого дела, которым я занимаюсь, можно и государственными секретными сведениями попользоваться. Только вот – как убедить?

Пряником их не поманишь – не поверят!

А вот если напугать – поверят!

И поверили! Главное – президент поверил, что детишек должны взрослые поздравлять и подарки им дарить, а не какие-то Деда Морозы. Только таким образом дети будут верить, что их детство зависит от взрослых, а не от волшебника. Дед Мороз должен чудесами заниматься да, может, немножко нос со щеками пощипать кое-кому зазевавшемуся. А вот за президентом и все остальные потянулись: и федеральные министры, и генералы, и губернаторы, да все мало-мальски значимые чиновники и руководители. Только всё равно мало этого: всё равно всю оставшуюся армию детишек обслуживать мне приходится.

Ну, и главное – добрых волшебников на свете не бывает, иначе все люди на Земле всю свою жизнь как сыр в масле и катались бы, и никаких проблем у них не было бы. Все волшебники, как и вся нечистая сила, своими непредсказуемыми действиями столько проблем создают, что правильнее, конечно, нас считать злыми. Ну да надо делом заниматься...

Старик махнул своим огромным тяжелым с виду посохом, и с него в разные стороны разлетелись тысячи, а может, и миллионы ярких искр, которые не гасли, а тут же превращались в горящие звёзды и разлетались во все стороны.

– Ну вот с фантомами моими определились – они и навещают всех ребятшек, которые их ждут и приготовили для такого дела под ёлками коробки и башмаки для подарков, а кто-то и за окном повесил торбочку в надежде. А сам я должен выполнить неприятное пожелание или даже просьбу, коллективную просьбу – хорошо, что она с грехом пополам, а всё же дошла до меня. Такую просьбу, что и президент не справится: две девочки Юля и Катя, двойняшки десяти лет, и их младший пятилетний братишка Саша попросили меня на Новый год вернуть им их маму, добрую и обязательно трезвую. А такое и президенту не под силу! Сейчас пройду по центральной улице, полубуюсь на весёлый, предпраздничный народ, а потом сразу и займусь. Противно, конечно – не люблю я пьяных женщин, но надо хоть один новогодний подарок самолично сделать.

Даже центральные улицы даже больших городов перед самым-самым наступлением Нового года вызывают удивление – огня много, а людей мало. Да и те, кто попадался навстречу моему Деду, куда-то спешили. Зато мой Дед Мороз не спешил – прогулявшись до центральной площади, где стояла главная ёлка, он с уверенностью оценил, что город к празднику готов. Старик незаметно, но сильно стукнул посохом о брусчатку и, трансформировавшись в завьюженный свиток снега, исчез.

Его даже не ждали, даже не надеялись в маленькой трёхкомнатной квартирке на первом этаже девятиэтажного панельного дома в дальнем Нагорном микрорайоне. В подъезде пахло кошками, перила были

выломаны, а лампочка не светила. Хотя свет на площадку пробивался сквозь неприкрытую дверь одной из квартир.

Женщина неопределённого возраста – ну, может быть, лет тридцати или тридцати пяти, сидела в углу центральной комнаты, прямо на полу с закрытыми глазами и, раскачиваясь, что-то мычала. Она была пьяна и неопрятна!

На старой обшарпанной кушетке, а может, это был когда-то и диван, прямо напротив пьяной женщины сидели две напуганные девочки, обнимая маленького мальчика с заплаканными глазами. Старик понял, что попал «по адресу», да и не мог он ошибиться – ни разу в жизни он ещё не ошибался! Все трое подняли головы на старика, когда он образовался в комнате в полной своей красоте и сиянии, но в их глазах, полных разочарования и страха, не мелькнуло даже искорки надежды или удивления. Если вся их жизнь была страшным сном, то и появление у них в доме настоящего большого и красивого Деда Мороза тоже казалось сном, но они пока что не могли решить каким: страшным сном или прекрасным!

А наш старик сразу же подошел к сидящей на полу и бормочущей что-то невнятное женщине и взял её за ухо своими крепкими и ледяными пальцами.

– Ты кто? – с трудом приоткрыв глаза, спросила женщина и уже совсем неуверенно, скорее по привычке, пробормотала: – Дай бухнуть чего-нибудь!

Дед Мороз приподнял за ухо женщину над полом и чуть-чуть потряс её – послышался звон разбитой стеклянной посуды. Дети с удивлением смотрели на происходящее, им не сразу стало понятно, что происходит у них на глазах, и пока что не очень верилось в чудо. А вот женщина, увидев Деда Мороза в полной амуниции, всё поняла: поняла, что тут всё серьёзно и по-взрослому.

– Тебе больше нельзя, тебе надо заниматься детьми, своими детьми. Я тебе помогу, – сказал старик.

– Я знаю, что нельзя. Я и не буду, – смиренно ответила женщина.

– Тогда бери мой мешок и собери быстренько праздничный стол – там всё для этого есть.

Женщина вдруг уверенно, самостоятельно встала на ноги, поправила платье, причёску, осмотрела себя в небольшом стареньком и исцарапанном настенном зеркале и, неожиданно улыбнувшись и что-то вполголоса про себя напевая, стала разбирать мешок Деда Мороза. Она прямо на глазах раздурманилась и оказалась очень даже интересной и хозяйственной. А в мешке, как специально подобрано, находилось всё, что требуется для встречи семейного Нового года: и лимонад, и конфеты с печеньем, и мандарины, и торт, и даже два подсвечника со свечами, и даже небольшая живая ёлка, уже украшенная шарами, сосульками и разноцветными сверкающими гирляндами.

Девочки Юля и Катя, сидевшие на диване, как маленькие окаменевшие фигурки, замерли с открытыми ртами, глядя на маму, а у мальчика Саши тут же высохли слёзы и также открылся рот. Потом все трое медленно-медленно повернулись к Деду Морозу, но тот уже готовился покинуть своих заказчиков, постепенно растворяясь в своем волшебном эфире и теряя очертания.